

Тео Зоммер

Новое правительство – старая политика?

Германия в «большой коалиции»

Германский Исторический Институт
Москва
13 ноября 2006 г.

Для меня особая честь выступать в стенах Германского Исторического Института в Москве. Когда полвека назад я изучал историю в Тюбингене – в самый разгар «холодной войны» – я и не мог себе представить, что когда-нибудь в столице России будет открыт подобный институт; что над Кремлем не будет больше развиваться красный флаг с серпом и молотом; и что наши два государства после всего того, что они пережили по отношению друг к другу в прошлом столетии, соберутся сегодня в такой непринужденной дружеской атмосфере. Это подтверждает высказывание одного французского историка: не следует оскорблять историю упреками в недостатке фантазии.

Тема моего сегодняшнего выступления – Германия под властью «большой коалиции» спустя год после вступления в должность канцлера Ангелы Меркель. Это отнюдь не легкая задача. Коалиция двух крупнейших народных партий – ХДС и социал-демократов – за первые одиннадцать месяцев ее существования пока не сделала чего-либо существенного; во всяком случае, речь не идет о сколько-нибудь согласованных шагах. Огромное пространство отделяет политические обещания и их практическое воплощение; то, что необходимо и то, что представляется возможным; насущную необходимость проведения реформ и темпы их реализации. К счастью, уже намечен ряд реформаторских проектов, другие – ожидают своего принятия в Парламенте. Однако общество постепенно теряет терпение. Оно желает видеть результаты, а не выслушивать информацию или читать сообщения лишь об одних конфликтах внутри правительственной коалиции.

Как показывают опросы общественного мнения, «большая коалиция» стремительно утрачивает доверие к себе. Популярность обеих партий ХДС/ХСС и СДПГ уже упала на 4 – 5 процентов по сравнению с результатами выборов 18 сентября прошлого года. По некоторым опросам, партия канцлера сегодня даже уступает социал-демократам.

Мне не хотелось бы утомлять Вас ни подробностями споров внутри правительственной коалиции, ни деталями различных реформаторских проектов, будь то дискуссионные предложения по проведению реформы здравоохранения, системы пенсионного обеспечения или налоговой реформы. Вместо этого я попытаюсь наглядно представить общую картину с помощью следующих десяти тезисов.

Тезис № 1

С момента основания Федеративной Республики в 1949 году немецкая политика осуществлялась преимущественно длинными циклами. Конрад Аденауэр (ХДС) правил четырнадцать с половиной лет, социал-демократы Вилли Брандт и Хельмут Шмидт находились у власти в общей сложности тринадцать лет, Хельмут Коль (ХДС) – шестнадцать. Правда, у нас были два «краткосрочных» канцлера – Людвиг Эрхард (1963-66) и Курт-Георг Кизингер (1966-69), но оба они заняли канцлерский пост не в результате парламентских выборов, а в середине легислатурного периода. В прошлом году Герхард Шредер нарушил эту модель продолжительных циклов нахождения у власти: после семи лет правления он бросил вызов оппозиции и назначил перевыборы, которые проиграл. Теперь остается вопрос, – возобновится ли долговременная схема или отныне мы будем иметь более частую последовательность смены главы правительства?

Ответ на этот вопрос затрудняет изменившаяся расстановка политических сил. Если в первом бундестаге были представлены 11 политических группировок, то введенный в 1953 году пятипроцентный барьер резко сократил число парламентских партий до трех: ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП. Такая ситуация продолжалась вплоть до начала девяностых годов, пока на политической арене не возникло новое партийное образова-

ние – «зеленые». Но и тогда было достаточно всего *одной* из мелких партий для того, чтобы одна из крупных партий могла сформировать дееспособное правительственное большинство. Между тем, из ПДС вышли так называемые «левые», которые, похоже, утвердились на продолжительный период. На последних выборах они набрали 8,7 % голосов, став четвертой по своей популярности партией в Германии. Особое значение имеет то, что, будучи одной из пяти партий бундестага, отныне «левые» будут играть всевозрастающую роль, причем, преимущественно как восточногерманская региональная партия посткоммунистического толка, аналогично, например, баварскому крылу ХСС. Следует также сказать, что в свете ослабления крупных народных партий в будущем будут необходимы уже *две* малые партии, чтобы ХДС или социал-демократам получить необходимое парламентское большинство. Тем самым германская политика становится все более сложной, но также и более непредсказуемой.

Тезис № 2

Для моего второго тезиса нет никаких научных доказательств, однако очень многое говорит в его пользу: если бы Герхард Шредер выждал время и не проводил досрочно выборы, дождавшись установленного срока в сентябре 2006 года, он мог бы одержать третью победу. В своих только что опубликованных мемуарах он обосновывает данное решение «государственно-политической необходимостью». Он обвинил часть профсоюзов в том, что те систематически добивались его свержения, а также сообщил, что его мажордом Франц Мюнтеферинг больше не мог гарантировать ему надежную поддержку партии и фракции СДПГ в бундестаге. К тому же СДПГ потеряла голоса на выборах в тринадцати ландтагах, и большинство ХДС/ХСС в бундестаге блокиро-

вало его политику. С основанием или без, но Шредер предвидел государственный кризис.

Многие наблюдатели в Германии расценивают эту ситуацию совсем иначе. Если бы канцлер сохранил спокойствие, аргументируют они, он смог бы повернуть тенденцию в свою пользу, как это уже однажды было в 2002 году. Тогда, в конце отчасти беспокойного, отчасти отмеченного застоем первого срока законодательных полномочий, СДПГ уступала 10 % обеим партиям Союза ХДС-ХСС. Шредер решился на некоторые преобразования: начал налоговую реформу, в результате которой снизился уровень налогообложения с 49 до 42 процентов, приступил к пенсионной реформе, осуществил частичную приватизацию государственных предприятий и реорганизацию политики на рынке труда, связанную с именем Харц¹. Также, путем принятия закона о гражданстве, который порывал с прошлым *ius sanguinis*², а также иммиграционного законодательства и разрешения однополых браков, он ликвидировал некоторые общественные пережитки. В области внешней политики он следовал сложившейся обстановке в мире и послал солдат бундесвера в Косово, Македонию и Афганистан. Однако в целом результаты деятельности правительства не вызывали особого восторга. Решительные действия канцлера в преодолении последствий наводнения на Одере, а также его смелая оппозиция политике Буша в Ираке, – причем оппозиция по убеждению, а не из-за предвыборных расчетов, – в конце концов, немного повлияли на его политическую популярность, пусть даже исключительно благодаря росту влияния «зеленых».

Но смог бы Шредер повернуть ситуацию в свою пользу вторично, если бы выждал? Не поспешно ли он сдался? Как было сказано, он это

¹ Петер Харц, бывший член правления концерна Фольксваген, в 2002 году предложил правительству Германии 13 элементов реформы рынка труда, в результате которой предполагалось в течение нескольких лет уменьшить количество безработных в два раза. В целом провалившаяся реформа получила название «Харц-4». (Прим. пер.)

² Лат. – право кровной мести. (Прим. пер.)

отрицает. Но для этого можно найти совершенно убедительные аргументы.

Во-первых: Его «Программа – 2010», которая вступила в силу лишь в начале 2004 года, пока еще не показала своего потенциала; ее «детские болезни» пока что проявляются сильнее, чем ее положительные эффекты.

Во-вторых: С весны 2006 года положение в стране начало улучшаться. Неожиданно исчезло сдержанное поведение покупателей, улучшился инвестиционный климат в экономике, пропали все пессимистические ожидания.

В-третьих: Чемпионат мира по футболу превратил Германию из «страны вечного похмелья» (как пишет «Цайт») в страну «возбужденных ожиданий». Стартовать в предвыборной борьбе в условиях подобной эйфории – значит обеспечить красно-зеленым третью победу на выборах.

Экономические показатели нынешней осени однозначно бы сыграли в пользу красно-зеленой коалиции. Безработица впервые за четыре года опустилась ниже отметки в 4 млн., то есть ниже 10 % (9,8 %); сегодня на 470 тысяч меньше ищущих работу, чем годом ранее; при этом появилось свыше четверти миллиона новых рабочих мест. Внутренняя конъюнктура вновь оживилась, прежде всего благодаря значительной активизации инвестиционной деятельности; по результатам за 2006 год ожидается экономический рост в 2,5 процентных пунктов. Немецкий индекс котировки акций DAX впервые за последние пять лет перешагнул отметку в 6 тысяч пунктов. Темпы инфляции не превышают 2 процента. Одновременно Германия является мировым лидером по экспорту: в прошлом году его объемы составили 786 млрд. евро. Вновь наблюдается бум налоговых поступлений: в этом году казна получит на 40 млрд. евро больше, чем ожидалось; впервые за четыре года Германия не пе-

рейдет 3-процентную границу дефицита госбюджета согласно Пакту о стабильности ЕС. Ведомства по труду и пенсионному обеспечению одновременно рапортуют о превышении доходов над расходами на 4,5 и 10 миллиардов евро соответственно.

Итак, наблюдается очевидный прорыв по широкому фронту, которому, по мнению большинства аналитиков, не сможет даже помешать предстоящее увеличение налога на добавленную стоимость на 3 процентных пункта. Конечно, тому способствовали заблаговременные действия профсоюзов в области заработной платы и проведенная реструктуризация промышленности, а также мировая конъюнктура. Однако нельзя отрицать одно: Ангела Меркель пожинает плоды того, что посеял Герхард Шредер.

Он не хотел допустить подобного сценария. Но, в результате, теперь мы имеем «большую коалицию». Едва ли кто-то ожидал ее. Лишь немногие ее желали. Только одна пятая часть немецких граждан довольны результатами ее работы.

Тезис № 3

Результаты выборов 18 сентября 2005 года удивили всех: партии и политологов, прессу и публику. Почти все ожидали от того воскресного дня выборов победы оппозиции. По весенним опросам общественного мнения рейтинг социал-демократов упал на 25 %. Правда, Шредер провел блестящую предвыборную кампанию, но ничто не предвещало, что кредит доверия СДПГ превысит 30 %. Напротив, почти все были уверены в том, что ХДС/ХСС наберут от 42 до 44 % голосов; вместе с 10 процентами, которые, как предполагалось, получают свободные демократы, должно было сформироваться комфортабельное большинство правоцен-

тристского уклона и, соответственно, надежный базис для неолиберальной политики реформ. Однако случилось иначе.

Ангела Меркель всего за несколько недель умудрилась потерять превосходство в 20 процентных пунктах; ХДС/ХСС застрял на 35,2 %. Герхарду Шредеру же удалось поднять свою партию «со дна» до 34,3 %. В результате, обе крупные партии оказались почти на равных, ХДС и ХСС всего на 3 мандата обошли СДПГ. При таком положении вещей ни одна из коалиций одной из крупных и одной из малых партий не смогла бы получить необходимого большинства. Все попытки сформировать тройную коалицию – так называемую «Ямайка»-коалицию (черно-желто-зеленую, по цвету флага Карибского государства) или «светофор»-коалицию (красно-желто-зеленую), – потерпели неудачу. Оставался лишь один путь: создание «большой коалиции».

Для поражения ХДС/ХСС имеется четкое объяснение: госпожа Меркель была наказана за ее неолиберальную программу реформ. Отдельных аплодисментов, конечно же, заслуживают консервативные экономисты, как, например, слишком теоретизирующий профессор Пауль Кирххоф, которого она хотела сделать своим финансовым министром. Избиратели просто не захотели «проглотить» пакет мероприятий, от которых явно веяло пронизывающим «социальным холодом». В результате ХДС потерял 1,9 миллионов голосов по сравнению с 2002 годом.

Результаты этих выборов оставили определенный отпечаток на христианских демократах: с тех пор они энергично полемизируют по поводу достижения необходимого баланса между экономической гибкостью и социальной справедливостью. В целом можно сказать, что произошел очередной сдвиг ХДС и ХСС влево. Причем настолько, что социал-демократы уже испытывают опасения, как бы ХДС/ХСС не оказались левее них.

Следствием данных программных противоречий в лагере христианских демократов вновь стала законодательная неразбериха, которая прежде подпитывалась взаимными блокадами красно-зеленого большинства в бундестаге и черного большинства в бундесрате, а теперь продолжается в рамках партий Союза.

Сегодня нам снова приходится выслушивать жалобы правительства по поводу утраченных возможностей «большого скачка», по поводу того, что оно не может резко изменить политический курс, и что упущен шанс очередного поворота. Такого рода причитания ставят под сомнение не только функциональные возможности «большой коалиции», но и вообще дееспособность правительства в условиях предельно дифференцированного в федеральном, корпоративном и социальном отношении общества.

Компромисс в «большой коалиции» есть неотъемлемая часть деятельности правительства; тем не менее, он разъедает руководящие полномочия канцлера; согласие обуславливается закулисным торгом. В такого рода коалиции ни одна из сторон не может максимально реализовать свои возможности. Уже нет смысла требовать или ожидать того, что в бундесрате главы земель и дальше будут «прогибаться» перед центральным правительством; у них слишком много собственных интересов и амбиций. Федеральный канцлер быстро осознала это. Оправившись после шока выборов 18 сентября, она ведет себя уже совсем иначе. Больше не слышно ни о «больших скачках», ни о некой общей политике; ни о реформах в «бульдозерном» стиле; нет более опрометчивых заявлений о «всесильном правлении», о сильной руке, способной навести порядок в бундестаге и бундесрате.

Новый девиз Ангелы Меркель – «малые шаги». Но главное, чтобы они вели в правильном направлении – так называемая *постепенная инженерия (piecemeal engineering)*, пользуясь терминологией Карла Поп-

пера, так сказать, улучшение сантиметр за сантиметром, штучная работа, латание дыр. В условиях открытой демократии ни один правитель не может одним махом изменить все так, как представляется ему целесообразным. Он или она может идти к своей цели лишь с известной интенсивностью. Это каждый раз заставляет прибегать к импровизации, лавированию и смене тактики, к искусству вести переговоры и заключать компромиссы, время от времени даже пускать дело на самотек. При этом возможное всегда должно уступать оптимальному. «Любая политика начинается с признания истинного положения вещей», – говорит федеральный канцлер.

Тезис № 4

Задачи, которые стоят перед федеральным правительством, грандиозны. «Программа-2010» Шредера должна быть в некоторых пунктах скорректирована, но в значительной степени – продолжена. За первым этапом реформы федерализма должен последовать второй, который сформирует новую основу для бюджетно-финансовых взаимоотношений между федерацией и землями. Консолидация государственных финансов остается в сфере долгосрочных приоритетов. Продолжается работа над реформой медицинского страхования, пенсионного обеспечения и налоговой реформой. По-прежнему большое значение будет иметь возможность повышения мобильности на рынке рабочей силы, причем без нанесения ущерба менее подвижной части населения – бедным, недавно появившейся прослойки общества; не менее важным является создание условий для более широкого среднего класса, при которых он не будет ощущать себя беспомощным и беззащитным перед штормами глобализации. Государство и экономика должны больше вкладывать в исследования и разработки, в образование и повышение квалификации. В свете

сокращающейся численности населения благоразумная политика в области семейного планирования, помимо недавно принятых пособий для родителей, должна содействовать тому, чтобы у молодых людей появился стимул к рождению и воспитанию ребенка. Почти 10 процентов наших сограждан – это иммигранты из других стран; из них почти 2,5 млн. – выходцы из мусульманской Турции. Слишком долго игнорировалась проблема их социальной и культурной интеграции, и здесь назрела насущная необходимость принятия неотложных мер.

Такая обширная повестка, разумеется, не допускает ни простых, ни быстрых решений. В конечном счете, речь идет о том, чтобы дать новое обоснование германскому социальному государству, с тем чтобы оно стало жизнеспособным в эпоху глобализации. При этом, по моему твердому убеждению, мы ни в коей мере не должны лишить наше рыночное хозяйство атрибута «социальное». В конце адаптационного периода должна возникнуть не американская модель капитализма, а, скорее, модифицированная в направлении Скандинавии модель «рейнского капитализма». Это должен быть капитализм, который будет характеризоваться не «невидимой рукой» Адама Смита, но и сердцем.

Как будет развиваться ситуация в деталях, покажут внутривнутриполитические дискуссии в Германии в ближайшие годы. Однако основной тон данной политической полемики не будет радикально рыночным. К сожалению всех тех ортодоксальных теоретиков-экономистов, которые позволяют себе строить свои конструкции без учета их приемлемости с точки зрения политической реализации и общественной поддержки, идеологический оттенок данных дебатов в обеих народных партиях будет скорее социал-демократическим. Иначе в Федеративной Республике не удастся выиграть ни одни выборы.

Тезис № 5

Сказанное выше о германской внутренней политике можно резюмировать следующим образом. На этом поле господствует удивительное постоянство. Продолжается курс политики реформ, начатый федеральным канцлером Герхардом Шредером. ХДС отказался от революционных идей, выдвинутых на партийном съезде в Лейпциге. Политика «большой коалиции» проводится в духе умеренной реконструкции, а не радикальной ломки или переворота.

То же самое можно сказать и о внешнеполитическом курсе Германии. И в этой сфере главным козырем выступает постоянство. За первый год правления «большой коалиции» здесь не произошло принципиальных перемен. По крайней мере, то, что изменилось – это всего лишь стиль, манера поведения, акценты.

Госпожу Меркель отличают скромная решительность и непринужденная уверенность в себе; она солидна, честна и прямолинейна; она смело высказывает свое мнение, даже если ее партнерам порой придется выслушивать малоприятные вещи: как, например, американскому президенту Джорджу Бушу-младшему, когда в розарии перед Белым домом в присутствии телекамер она открыто заявила ему, что существование тюрем Гуантанамо недопустимо, добавив, что «в борьбе с терроризмом цель не должна оправдывать средства». Или российскому президенту Владимиру Путину, у которого она недавно поинтересовалась в Томске о его действиях в отношении неправительственных организаций и о его политике в Чечне. Или китайским руководителям, которым она напомнила о «нерушимости прав человека», прочитав нравоучения о грубых нарушениях прав интеллектуальной собственности, подразумевающая китайскую пиратскую продукцию.

Франк-Вальтер Штайнмайер, новый министр иностранных дел, также отличается по стилю и манере поведения от своего предшествен-

ника Йошки Фишера. Он не является сторонником ярких выступлений, театрализованных речей и одиозных жестов – скорее он выступает тихим, но в то же время жестким посредником, целенаправленным и неизменно объективным. Впрочем, оба – и канцлер, и министр иностранных дел – сотрудничают безупречно. Они лишь изменили стиль внешней политики Берлина, но отнюдь не ее субстанцию.

Тезис № 6

Прежде всего, данный тезис касается Соединенных Штатов. Тесная связь с Америкой являлась неотъемлемым атрибутом послевоенной внешней политики каждого германского правительства. Федеративная Республика обязана США тем, что на протяжении сорока лет «холодной войны» она могла противостоять любым агрессивным действиям со стороны Советского Союза; что Западный Берлин, как маяк свободы, смог пережить два угрожавших войной кризиса – в 1948/49 гг. во время блокады и в 1958/61 гг. в связи с хрущевским ультиматумом; наконец, что разделенная Германия после падения Берлинской стены вновь смогла обрести свое национальное единство, вопреки скепсису со стороны Маргарет Тэтчер, Франсуа Миттерана и Джулио Андреотти.

Герхард Шредер также не хотел нарушать это тесное единство: он порвал с Джорджем Бушем-младшим из-за сомнительных, сознательно сфальсифицированных, идеологически сманипулированных доказательств опрометчиво развязанной войны в Ираке; он не пошел против Америки. Сегодня, когда в Ираке грозит разразиться хаос, две трети американцев знают, что канцлер Шредер оказался прав; и на прошлой неделе Дж. Буш сполна заплатил за это³. Преемница Г. Шредера еще узнает, что непреложная и безропотная верность Нибелунгам в аналогич-

³ Имеются в виду проигранные Республиканской партией выборы в Конгресс. (Прим. пер.)

ных ситуациях не обернется благом, как, например, может показать конфликт с Ираном, если он когда-нибудь встанет на повестку дня. Я убежден, что она, так же как и Шредер в случае с Ираком, минимизирует участие немецкой армии в военной кампании против Ирана. В германских интересах ей также следовало бы приложить особые усилия в отстаивании шансов мира перед логикой войны.

Ангела Меркель поспешила навести порядок в германо-американских отношениях; и ей это удалось. Позитивный настрой между президентом и канцлером установлен. Она часто и охотно говорит о необходимости поддержания доверительных и дружественных отношений с Америкой; что, впрочем, не всегда отражает ее искреннее мнение. Множество общих интересов объединяет Германию, Америку и Европу, заявила она в Нью-Йорке весной этого года. При этом сразу же добавив, что все в равной степени имеют право действовать в собственных интересах. Ее высказывание – «Отношения между Германией и Америкой нельзя строить лишь на основе обязательств послевоенного периода», – позволяет заключить, что германские и американские интересы по своей сути не всегда и везде должны быть конгруэнтны и конвергентны. В попытках Меркель вновь придать НАТО статус центрального форума западных государств прослеживаются очевидные намерения поставить США в рамки принципа многостороннего консенсуса в действиях Союза и исключить возможность использования Альянса в качестве инструмента демонстрации американской силы во всем мире.

Тезис № 7

Теперь я подошел к теме, которая, пожалуй, вызывает наибольший интерес в Москве: отношения между Германией и Россией. Прежде всего, позвольте мне заметить, что и здесь господствует явное постоянство,

хотя эмоциональные акценты политики Берлина по отношению к России сегодня расставляются несколько иначе, нежели раньше.

Многие наблюдатели полагали, что первый глава немецкого правительства, родившийся и выросший в коммунистической, находившейся под советским влиянием ГДР, обязательно придаст политике Берлина по отношению к Москве больше дистанцированности, строгости и сдержанности. Но ничего подобного не наблюдается. Нынешний канцлер ведет себя менее восторженно, чем Герхард Шредер, который посвятил отдельную главу своих воспоминаний «глобальному игроку – России» и своему другу Путину; она, пожалуй, не стала бы называть российского президента «истинным демократом». Но вовлечение России в европейское сотрудничество ей представляется не менее важным, чем ее предшественнику. Как и он, она осознает значение России как поставщика энергоресурсов – сегодня Германия получает 41 процент всего газа и 32 процента всей нефти из России, поэтому новое правительство безоговорочно продлило кредитные обязательства, данные его предшественником Газпрому. Как и Шредер, Ангела Меркель понимает, что России еще требуется время, чтобы преодолеть долгий путь от коммунистического тоталитаризма к стабильному демократическому порядку.

Этой весной в Нью-Йорке я слушал выступление федерального канцлера перед американской аудиторией: «Мы хотим иметь газ, и мы хотим иметь нефть». За ее эффектной речью в поддержку стратегического партнерства стоял не только корыстный энергетический расчет. Формирование единого международного европейского пространства невозможно без участия Москвы; поэтому наше партнерство должно быть по возможности более тесным. В этом едины все политические партии в Берлине, и федеральное правительство будет всемерно отстаивать эту позицию в Брюсселе.

При этом мне не хотелось бы умалчивать, что существуют также три аспекта, которые в Германии вызывают определенное беспокойство. Прежде всего, это политика России в отношении «ближнего зарубежья» – особенно ее неприятие революционных процессов на Украине и в Грузии, при одновременной поддержке последней европейской диктатуры в Белоруссии. Наряду с этим жесткая стратегия, которую проводит Кремль в отношении Чечни, при всем понимании сложности ситуации в этом уязвимом российском регионе, в Германии также едва ли находит позитивную оценку.

Во-вторых, вызывают тревогу признаки, указывающие на превращение России в мировую энергетическую державу, которая использует свои запасы нефти и газа – как прежде ядерные арсеналы – в качестве средства политического давления на своих партнеров, соседей или противников. И здесь в первую очередь пугают случаи с Украиной и Грузией. Аннулирование лицензий на бурение скважин для западных нефтяных компаний и закрытие важнейших российских отраслей промышленности для зарубежных крупных собственников – с одновременными попытками Газпрома выйти на западные рынки – также встречает недовольство. Отказ президента Путина пойти на сближение с европейским энергетическим пактом лишь обострило положение. Можно только надеяться, что ситуацию несколько исправит предстоящий саммит ЕС и России.

В третьих, положение со свободой печати в России дает повод для большого беспокойства многих людей на Западе, и прежде всего журналистов. Убийство Анны Политковской, чьим бы поручением это ни было, подействовало как сигнал. Это напомнило общественности о том, что с 1992 года в России было убито уже сто журналистов; о том, что подавляющее большинство российских средств массовой информации имеют лишь формальный статус независимости, по сути находясь на ко-

ротком поводке у влиятельных полугосударственных, тесно связанных с Кремлем, крупных предприятий; и что, согласно изданному «Репорте-рами без границ» рейтингу свободы слова, в этом году Россия сползла до 147 места. Лучше обстоят дела даже в Зимбабве.

Тезис № 8

Пока что федеральный канцлер предельно деликатно ведет себя на мировой политической сцене. С момента своего вступления в должность она посетила все важнейшие столицы мира, за исключением Токио и Нью-Дели. Она произвела хорошее впечатление на многих международных, прежде всего европейских, конференциях. Она ни разу не споткнулась на красной ковровой дорожке. Но путем одних лишь государственных визитов нельзя осуществлять внешнюю политику. Кризис, в котором она должна проявить всю свою твердость, а не только чувство стиля, еще впереди.

Ливанский кризис поставил федеральное правительство в неудобное положение. Сначала его запоздалая реакция на призыв к перемирию, затем небрежно проведенные переговоры о получении четкого мандата ЮНИФИЛ⁴ для немецкого военно-морского флота, который у побережья Ливана призван препятствовать контрабанде оружия для Хизболлах, в результате которых германский бундестаг не без основания почувствовал себя обманутым. Еще предстоят испытания миссией в Конго, в обоснование которой пока приводятся скорее неявные аргументы. Принципиально то, что до сих пор ни внешнеполитическая концепция, ни оборонная доктрина не приобрели ясных очертаний, даже в недавно опубликованной новой Белой книге⁵. Много говорится об универсаль-

⁴ United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL) – Временные силы ООН в Ливане. (Прим. пер.)

⁵ Речь идёт о Белой книге бундесвера, которая издаётся министерством обороны ФРГ с 1970 г., и в которой отражаются основные направления политики безопасности, а также намечаются стратегиче-

ных ценностях, но почти ничего о конкретных интересах. Отсутствуют достаточные критерии для обоснования необходимости использования сил бундесвера за рубежом. Сегодня до 10 тыс. солдат немецкой армии дислоцированы в одиннадцати горячих точках планеты – от Балкан до Афганистана и от Киншасы до Джибути. При этом формируется представление, что вооруженные силы слишком дороги и недофинансированы, чрезмерно укомплектованы и одновременно недостаточно оснащены. Федеральное правительство официально заявляет о своем желании получить больше ответственности на мировой политической арене, однако, ни бюджет министерства обороны, ни соответствующие ресурсы министерства иностранных дел и министерства экономического сотрудничества, не позволяют соответствовать этим политическим амбициям. Сюда следует также добавить то, что две трети общества выступает против возможности неограниченного действия бундесвера за рубежом.

Тезис № 9

Более четкие контуры внешняя политика Берлина имеет, бесспорно, в отношении Европы. В первой половине 2007 года Германия займет кресло председателя в Евросоюзе, и в течение всего года будет возглавлять «Большую восьмерку». Вопрос в том, удастся ли Берлину оправдать большие ожидания, повсюду возлагающиеся на немцев? Сможет ли германское правительство вновь перевести решение обострившегося арабо-израильского конфликта на мирные рельсы? Сможет ли оно содействовать обезвреживанию всевозможных бомб замедленного действия, угрожающе тикающих в различных уголках нашей планеты? Я думаю здесь прежде всего о будущем статусе Косово, ядерной программе Ирана и стремлении Северной Кореи получить атомное оружие, а также

ские цели германских вооружённых сил внутри страны и за её пределами. Последнее переиздание Белой книги имело место 24 октября 2006 г. (Прим. пер.)

об опасности, исходящей от интенсивного распространения оружия массового уничтожения, или о геноциде в Дарфуре⁶. Мои опасения также связаны с провалом переговоров в Дохе⁷, признанием факта изменения климата, энергетической безопасностью, распространением бедности в развивающихся странах и трансграничными миграционными потоками.

Дабы быть честным и реалистичным, я отнюдь не думаю, что все названные проблемы, некоторые из которых имеют поистине апокалиптический масштаб, смогут приблизиться к своему разрешению в течение коротких двенадцати месяцев весьма формального двойного председательства в ЕС и «Большой восьмерке». Одна страна, насколько бы она не выглядела всемогущей, может здесь слишком мало.

Однако тем важнее будет объединить все силы в рамках Европейского союза. Все также главной целью политики Берлина в наступающем году останется необходимость преодоления паузы, взятой европейцами для размышления в результате французского „Non“ и голландского „Nee“ принятию конституции Союза. Теперь, когда федеральный канцлер поставила перед своим правительством задачу поиска новых решений, увязнувший процесс углубления европейской интеграции вновь мог бы прийти в движение.

Между тем, существует высокая доля вероятности несбыточности этих ожиданий. Частично это связано с тем, что на европейской сцене сегодня снова наблюдается нехватка сильных политических фигур. Тони Блэр в Лондоне и Жак Ширак в Париже уже завершают свой срок пребывания у власти; оба уходят в мае 2007 года. Романо Проди в Риме имеет множество проблем, доставшихся от прежнего правительства. Правящие элиты в Польше, Чехии и Венгрии пока что не имеют проч-

⁶ Регион на западе Судана, где в результате кровавого мятежа повстанцев против арабского правительства в 2003 г. была организована военная кампания, сопровождавшаяся массовыми «этническими зачистками». (Прим. пер.)

⁷ На переговорах в Дохе (столице Катара – государства в Персидском заливе) с 2001 г. обсуждался пакет договоренностей, связанных с условиями членства в ВТО. (Прим. пер.)

ных политических позиций. На нынешнем этапе у канцлера отсутствуют необходимые партнеры, на которых бы она могла рассчитывать в ходе приспособления учреждений и процессов ЕС к потребностям структуры, которая вскоре будет насчитывать 27 членов. Это изначально ослабляет потенциал федерального канцлера в деле общеевропейского строительства.

Основные пункты ее рабочей программы таковы:

- Восстановление экономической динамики (ключевое слово: Лиссабонский процесс).
- Решение проблемы энергетической безопасности: весной должен быть принят план действий в области энергетики, ориентированный также на защиту мирового климата.
- Стабилизация нашего непосредственного географического пространства (ключевое слово: политика европейского соседства). При этом, наконец, необходимо определить, где должны пролегать южные и восточные границы ЕС. Из-за спорной проблемы с Турцией это будет нелегкая дискуссия.
- Достижение консенсуса не только в области внешней торговли, но и в сфере внешней политики.

В первую очередь, однако, речь будет идти о европейской конституции, которая была отклонена французами и голландцами на референдумах, но за которую высказались 16 членов Евросоюза, а семеро временно отложили ее ратификацию.

При этом нет никаких сомнений, что конституционный акт в его первоначальном виде подвергнется изменениям. Этот «конституционный монстр» содержит 342 статьи, пять протоколов и два комментария. Его реанимация в подобном состоянии маловероятна. Вполне очевидно, что из него следует извлечь все то, что представляется наиболее важным, таким образом, выделив ключевые элементы договора, необходи-

мые для безупречного функционирования Союза: укрепление позиций президента и продление срока его полномочий до двух с половиной лет; расширение компетенций министра иностранных и внешнеполитического ведомства Европы; приоритет основных тем, для утверждения которых требуется простое большинство. Определенно, документ больше не должен называться «конституцией»; возможными и более пригодными названиями могли бы быть «основной закон» или «основной договор».

Ангеле Меркель вряд ли удастся решить вопрос с конституцией в течение нескольких недель между выборами в Национальное собрание Франции и сменой власти на Даунинг Стрит 10. Между тем, 25 марта 2007 года исполняется пятьдесят лет со дня подписания Римских соглашений – учредительных документов будущего Европейского союза. «Берлинская декларация», которая в настоящий момент разрабатывается в канцеляриях ЕС, должна, по меньшей мере, разъяснить стратегию и цель дальнейших действий. Впрочем, остается надеяться, что пятидесятилетняя годовщина улучшит настроение и утвердит в сознании 455 миллионов граждан Евросоюза, насколько исторический опыт построения единой Европы уникален. В течение предшествующего полувека она смогла преодолеть многие кризисы. Она также справится и с конституционным кризисом, и сможет выйти из сегодняшней стагнации.

Тезис № 10

Мой десятый тезис скорее обобщающего характера. Нынешняя Германия находится в нормальном состоянии. Как было сказано, у нее есть проблемы, однако это те же самые проблемы, с которыми приходится бороться всем остальным старым индустриальным странам: сокращающееся население, интеграция миллионов иммигрантов, «бегство» рабочих мест в свете глобализации. К этому добавляются проблемы,

которые волнуют всех: изменение климата и энергетическая безопасность; борьба против террористического джихада, при условии недопущения угрозы *столкновения цивилизаций*; сдерживание распространения оружия массового уничтожения; сокращение пропасти между Севером и Югом. И другие проблемы, которыми мы тяготимся, не есть исключительно германские. Например, такой сложный вопрос, как быть с новой ситуацией в области занятости? Является ли массовая безработица лишь временной тенденцией, или это явление, с которым нам придется ужиться в век глобализации?

В связи с этим хотелось бы особо подчеркнуть одно: Впервые за столетия сегодня больше не стоит проблема «Германского вопроса», причем «Германского вопроса» с большой буквы. После воссоединения в 1990 году мы представляем общность, которую хотел видеть еще Бисмарк. И мы живем в мире с нашими соседями, без каких-либо притязаний территориального или этнически-национального характера.

Разумеется, воссоединение привело к тому, что мы единственные в мире вынуждены были заниматься адаптационными проблемами на западе и востоке страны. Нам приходилось проводить рыночную трансформацию коммунистической системы ГДР и параллельно модернизировать социальное рыночное хозяйство в старой ФРГ. С восстановлением единства мы перевели в виде трансфертов с Запада на Восток в общей сложности около 1200 млрд. евро, в годовом исчислении – примерно 4-5 процентов от нашего валового национального продукта, что далеко превышает те 2,5 % средств, которые Америка предоставила за 4 года по «плану Маршалла». Результат впечатляет: новые федеральные земли снова залиты огнями, повсюду реставрируются прекрасные старые города, обновляется инфраструктура. Но остаются значительные проблемы. С деиндустриализацией Востока начался массовый отток населения: около двух миллионов человек покинули Восточную Германию

с момента краха ГДР. Да, постепенно появляются обещанные Хельмутом Колем «цветущие ландшафты», возникают первые островки благосостояния. Однако безработица в два раз выше на востоке, чем на западе страны. Пока различны жизнеощущение и менталитет в обеих частях Германии. Понадобится еще несколько десятков лет, а может быть, и целое поколение, пока не исчезнут последние следы 40-летнего разделения страны. Это потребует холодного рассудка, щедрой души и немалой выдержки.

Но я твердо убежден, что мы справимся с этим. И я так же убежден, что заботы нынешней Германии, вновь обретшей свое единство, не будут препятствовать ее стремлению со всей пристальностью и взвешенным подходом использовать свое влияние в международной политике для достижения мира и разрешения противоречий.

Перевод с немецкого Сергея Невского.